

*Памяти сотрудника полиции
города Копейска
Андрея Анатольевича Миронова*

25 мая 2003 г. в городке под названием Копейск, расположенном в Челябинской области, рано утром на территории детского сада №27 в зарослях молодого клена были обнаружены тела двух девушек с явными признаками насильственной смерти. Особый трагизм ситуации придавал тот факт, что девушки были одеты в школьную форму — такую, какую принято надевать на выпускной вечер: белые гольфы, белые фартуки, банты и форменные платья. Так началась история поиска и поимки одного из самых неоднозначных серийных убийц начала 2000-х гг. — история, длившаяся 15 лет.

Надо сказать, что сам по себе факт обнаружения двух убитых людей не был в то время для Копейска чем-то неординарным. Случаи насильственного лишения жизни встречались по нескольку раз в неделю — разрешение конфликтов при помощи разнообразных подручных предметов носило рутинный характер, и так называемые бытовые убийства, являющиеся с юридической точки зрения тяжкими телесными повреждениями, повлекшими смерть (ст. 111 ч. 4 УК РФ), считались чем-то едва ли не естественным. Такая картина общественной жизни была обусловлена разными причинами. История города способствовала появлению особого населения — сурового и (как выражаются в некоторых кругах) вполне конкретного.

Первое упоминание о татарском поселении Тугайкуль, расположенном на месте современного Копейска, датируется

1610 г. Тогда это была относительно дикая лесостепная территория с широкими озерами. В 1736 г. здесь, на берегу реки Миасс, на стыке торговых путей, была заложена Челябинская крепость, и регион стал активно развиваться. Климат Южного Урала не отличался (как, впрочем, не отличается и сегодня) курортностью и комфортом — жаркое лето длилось относительно недолго, осень переходила в раннюю и долгую зиму с сильными ветрами, снегопадами и морозами за минус 30 градусов. Тем не менее к первой половине XIX в. в регионе проживало уже довольно много разного народу: военные, торговцы, рабочие. Не исчезло и местное население — многочисленные татарские поселки существуют в этих местах по сей день. Характерное для всей страны активное промышленное строительство затронуло и Южный Урал, тем более что здесь, в предгорье Уральских гор, были обнаружены огромные запасы полезных ископаемых разного рода: от нефти до драгоценных камней.

В будущем городе Копейске жизнь в полной мере забурлила с 1832 г., когда 19 августа горный инженер Иван Редикорцев обнаружил недалеко от Челябинска выходы пластов каменного угля, открыв огромные антрацитовые месторождения. Именно с этого времени началось формирование множества рабочих поселков, определивших облик современного Копейска. Добыча каменного угля велась тогда закрытым способом, и для строительства шахт в регион стали стягиваться работяги и другой пролетариат со всей страны. Быстрому росту числа шахт и формировавшихся рядом с ними поселков, где обитали те, кто в этих шахтах трудился, способствовало относительно неглубокое залегание угля, который был основным сырьем — на нем работали крупные промышленные комбинаты, фабрики, а также активно развивавшийся железнодорожный транспорт. Каменный уголь использовался для отопления, к тому же шел

на экспорт. До интенсивного использования нефти оставалось еще столетия, и антрацит имел основное стратегическое значение для развития страны. Многочисленные рабочие поселки получили общее название Челябинские Копи и стали быстро разрастаться. Таким образом, сформировавшееся город население изначально являлось в основном рабочим, простым, в большинстве неграмотным, притом состояло отчасти из уголовного элемента.

В 1907 г. была открыта первая официальная шахта «Екатерининская» (прежде шахтное строительство имело в основном стихийный и неорганизованный характер), и этот год считается датой основания города (тогда еще носившего имя Челябинские Копи). Рабочее население, составлявшее основную часть жителей, имело своеобразные, свойственные и другим подобным регионам привычки — из-за этого город с самого начала его существования был беспокойным и даже криминальным. На примере Челябинской области хорошо видна разница между городами с разной историей. Так, Миасс, получивший активное развитие как наукоград, куда стремились и командировались в основном люди науки, специалисты со средним и высшим образованием, по сравнению с Копейском считался тихим и спокойным местом, где можно теплой летней ночью запросто гулять без опасения быть убитым, покалеченным или ограбленным. Между

Герб города указывал на рабочую, шахтерскую его природу, однако некоторые сотрудники милиции шутили, что на нем изображен не шахтерский молоток, а обобщенное орудие убийства, часто используемое гражданами

тем ночная прогулка в Копейске даже во время описываемых в книге событий была чревата как минимум поступлением в больницу в качестве пациента.

Пролетарский Копейск приветствовал Октябрьскую революцию (что вполне объяснимо), местное население активно участвовало в революционных событиях, Гражданской войне; за это город в 1925 г. удостоился ордена Боевого Красного знамени (между прочим, эту почетную награду получили всего шесть городов молодого Советского Союза). После Великой Отечественной войны Копейск по-прежнему был в основном рабочим городом; эвакуированный в войну из Горловки машиностроительный завод им. С. М. Кирова так здесь и остался, заняв одно из ведущих мест в копейской промышленной иерархии — кирпичный завод, швейная фабрика, завод изоляции труб, ремонтно-механический завод и множество других предприятий находились практически в городской черте. Вне ее, но не так уж далеко был завод «Пластмасс», выпускавший (официально) стиральные машинки, которые никто никогда не видел, зато время от времени в городе слышались глухие подземные взрывы и ощущалось дрожание земли. В такие моменты горожане понимающе улыбались и объясняли людям не местным, что на заводе «Пластмасс» идут испытания стиральных машинок.

Активно велась и шахтная добыча каменного угля. Более десятка шахт — «Капитальная», «205-я», «Центральная», «Красная горнячка» и др. — окружали город со всех сторон и, как уже было сказано, поддерживали жизнь рабочих поселков, которых на момент описываемых событий было множество: Железнодорожный, Птанино, Горняк (в народе — Говняк), Вахрушево, поселок Бажова (в народе — Бомжово), Кадровик, Старокамышинск (в народе — Татарокамышинск), Козырево, Калачево, Октябрьский и др. Все они входили в состав города, хотя располагаются на довольно большом расстоянии друг от друга.

Унылые межпоселковые пейзажи с торчащими террикониками — такая картина представлялась за городом. Терриконики — отвалы породы, извлеченной из угольных шахт, были и местом игр местных детей, и местами сокрытия трупов, и просто своеобразной визитной карточкой Копейска

Некоторые поселки были вполне цивилизованными, другие же представляли собой дикие места, где отсутствовали электричество, канализация и никто не имел понятия, сколько именно людей там проживает. Заброшенные, полуразрушенные дома на окраинах таких поселков служили пристанищами для разнообразного асоциального элемента. Тут были и местные жители, и привозные алкоголики, которых транспортировали из соседнего Челябинска. Делали это так называемые черные риелторы: они обманным путем заполучали квартиру бедолаги, отнимали у него паспорт, а его самого вывозили в поселок, ставили в качестве «подъемных» ящик водки и уезжали. Люди без документов жили в своеобразных гетто — без света и элементарных удобств. Подобные поселения автор наблюдал в Дели, где имел возможность посетить знаменитые трущобы и пообщаться с местными жителями.

Наконец, облик и дух Копейска определяли четыре исправительно-трудовых колонии, расположенные также в черте города. Учреждения ЯВ 48/11, ЯВ 48/1, ЯВ 48/15, ЯВ 48/6 специализировались каждое на определенном производстве: где-то обрабатывали камень, где-то древесину, где-то занимались швейным делом. Нередко заключенные, освободившись, оседали тут же, в одном из рабочих поселков, привнося свои привычки и обычаи в без того суровую жизнь местного населения. Ввиду недостаточного финансирования местной судебной медицины Копейское отделение судебно-медицинской экспертизы, пользуясь хорошими взаимоотношениями с исправительными учреждениями, периодически заказывало у них рабочие фартуки, куртки для выезда на места происшествия, а иногда даже рабочие инструменты. Речь шла не о той сувенирной (хотя и очень красивой) продукции, которую можно было приобрести в торговом ларьке у въезда на территорию колонии, а о качественном инструменте из хорошей стали с рукояткой, сделанной под конкретную руку. Подобный инструмент долго сохранял остроту и служил много лет.

Таким образом, в начале 2000-х гг. город представлял собой относительно небольшой центр, застроенный и современными многоэтажками, и хрущевками, и деревянными бараками (их соорудили еще пленные немцы), вокруг которого располагалось множество рабочих поселков, разбросанных на большой площади. В деревянных бараках проживало множество людей, хотя кое-где в таких строениях отсутствовали деревянные полы — прямо на землю были уложены какие-нибудь покрытия, что под руку подвернется. Однако это все же была недвижимость, за обладание которой между наследниками подчас разыгрывались целые побоища.

Преступность в городе в то время находилась на довольно высоком уровне. Для ясности можно сказать, что процент насильственных смертей в Копейске был выше, чем в расположенном рядом миллионном Челябинске. Нарушения закона, такие как причинение различного вреда здоровью, кражи, грабежи, убийства, половые преступления, встречались до того часто, что казались чем-то обыденным и неувидительным. Местные судебно-медицинские эксперты, в число которых входил и автор этой книги, имели дело и с совсем жуткими историями. Встречались случаи каннибализма; убийства детей родителями ради получения денег на детские пособия, на которые можно было купить сахару, чтобы поставить брагу; шабаши подростковых банд, с особой жестокостью убивавших лиц без определенного места жительства и снимавших с них скальпы (кстати, не всегда с мертвых); войны между отдельными семьями (иногда конфликты носили характер вендетты и длились многие годы); цыганские казни соплеменников (автор прекрасно помнит несколько случаев, когда отцы или старшие братья убивали молодых девушек за добрачное сожительство); множественные убийства — двойные и тройные (однажды автор был вызван на двойное убийство на городской свалке, а оказалось, что трупов там пять); бесконечные случаи обнаружения частей расчлененных тел (местные жители шутили, что когда на озере Курлады сильная волна, на рыбалку лучше не ходить, ибо в сети вместе с рыбой может попасть человеческая нога или голова); подпольные аборты, разнообразию видов которых мог бы позавидовать сам Андрей Ломачинский, автор книги «Криминальные аборты»; и еще многое, многое другое, весьма интересное в судебно-медицинском плане. Достаточно сказать, что за семь лет деятельности в славном городе Копейске автор поработал со всеми видами травматизма, включая

такие экзотические, как переезд сеялкой или травма рогами коровы и копытами лошади.

Если в центре, где преобладали многоквартирные дома, ночи проходили относительно спокойно, то в рабочих поселках с вечера до утра было довольно оживленно, и редкую ночь автор не просыпался от лая собак во дворе или от стука в оконное стекло (местные джентльмены по ночам продавали всякие нужные в хозяйстве вещи, до этого приобретенные ими не очень честным путем). Криминального колорита в статистику местного отделения судебно-медицинской экспертизы добавлял (и еще как!) расположенный по соседству Красноармейский район. Формально он не входил в состав Копейска, но находился в зоне обслуживания копейской судебной медицины, поэтому эксперты считали эту территорию своей. Почему-то так получалось, что все самые абсурдные преступления совершались именно на территории Красноармейского района (сейчас он выведен из зоны обслуживания Копейского отделения СМЭ). Из вышеизложенного понятно, что к криминальным сводкам город был вполне привычен.

Но в тот ясный, солнечный воскресный день 25 мая картина преступления оказалась дикой даже по копейским меркам. До конца не вполне ясно, кто первый обнаружил тела девушек, можно лишь уверенно сказать, что произошло это не ранним утром. Скорее всего, их нашел какой-то местный житель, решивший сократить свой путь через территорию детского сада. О произошедшем было немедленно доложено в дежурную часть УВД города, откуда сообщение о событии преступления было в 12:00 передано в копейскую прокуратуру. В 13:10 на место обнаружения трупов прибыла следственно-оперативная группа, немедленно приступившая к осмотру. Возглавлял ее следователь Копейской городской прокуратуры Иван Владимирович

Змеев, следователь хотя и молодой, но внимательный и обстоятельный.

В начале 2000-х следствие разделялось на так называемое прокурорское (относящееся к прокуратуре — такие следователи носили погоны с синими просветами, то есть полосками), и милицейское (относящееся к УВД — у его представителей были погоны с красными просветами); до создания Следственного комитета было еще несколько лет. В следствии в то время можно было еще встретить опытных сотрудников со стажем службы более 20 лет, представителей старой, классической сыска школы. С каждым годом их становилось все меньше (некоторые уходили на пенсию, некоторые — на повышение), а являвшиеся им на смену молодые следователи не задерживались долго на своих местах, быстро двигаясь вверх по служебной лестнице. Таким образом, уже к середине 2000-х гг. преемственность практически распалась, традиции отечественного сыска почти прервались. Тем не менее И. В. Змеев дело свое знал и подходил к нему очень ответственно.

Кроме него на месте происшествия присутствовали двое понятых, а в состав следственно-оперативной группы вошли также эксперт-криминалист УВД Копейска Раснер,

Иван Владимирович Змеев на момент описываемых событий был молодой, но ответственный и порядочный следователь, к тому же обладающий разборчивым почерком, за что был очень ценим сотрудниками местной судебно-медицинской экспертизы

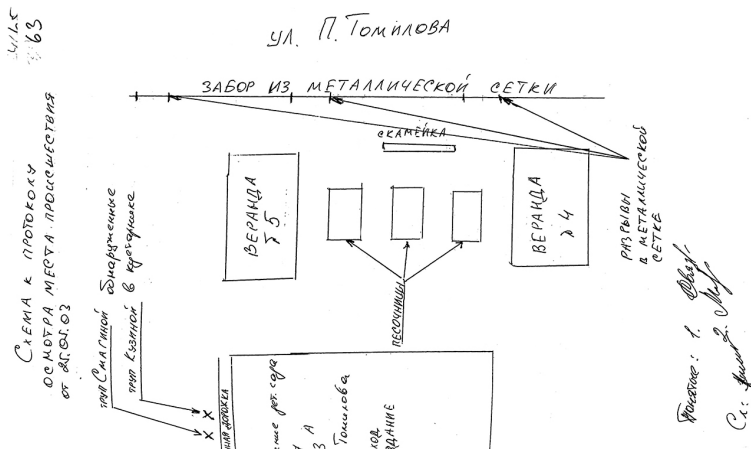

Сергей Георгиевич Швабауэр много лет возглавлял копейскую милицию. Приземистый, с суровым взглядом, он не любил много говорить, но иногда не жалел крепких выражений, давая оценку действий своих подчиненных. Он был хорошим человеком и уважаемым руководителем

следователь прокуратуры Челябинской области Смирных, заместитель прокурора города Минкин и заведующий Копейским межрайонным отделением Челябинского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Мартыненко. Впрочем, ими количество участников осмотра не исчерпывалось. На месте происшествия побывало еще множество сотрудников — оперативные работники, начальник криминальной милиции, сотрудники прокуратуры. Прибыл даже начальник УВД города Сергей Георгиевич Швабауэр.

Этот человек возглавлял копейскую милицию с 1997 по 2016 г., пройдя путь от инспектора до начальника уголовного розыска, прекрасно знал и оперативную, и следственную работу и неоднократно лично выезжал на резонансные преступления. (Стоит добавить, что Сергей Георгиевич являлся почетным жителем города Копейска, имел множество наград. Полковник Швабауэр ушел из жизни в 2022 г.) Практика выезда начальства на места преступления применяется до сих пор, и это очень правильно, поскольку и руководителю картина преступления становится более понятной, и подчиненные в присутствии начальства проявляют недюжинное рвение и усердие.

Территория муниципального образовательного дошкольного учреждения, или, говоря проще, детского сада №27,

Территория детского сада №27 была лишь условно огорожена – любой желающий мог проникнуть внутрь и весело провести время. Обилие веранд, песочниц и беседок делало времяпрепровождение максимально комфортным. Несмотря на то, что почти каждую ночь здесь собиралось множество народа, свидетелей убийства школьников не нашлось

своей южной стороной была обращена к довольно большой улице Петра Томилова, от которой ее отделял металлический сетчатый забор. Этот забор огораживал всю территорию детского сада, при этом почти вплотную к ней с боков прилегли дворы находящихся неподалеку жилых многоэтажных домов №11 и №13. Далее к югу от улицы Петра Томилова располагался проспект Победы – одна из основных городских магистралей, а к востоку, очень близко от детского сада №27, находился Копейский автовокзал – средоточие городской жизни. Не было ничего удивительного в том, что в металлической сетке забора со стороны улицы Петра Томилова имелось сразу три разрыва, сделанных, по всей видимости, находчивыми горожанами, проводившими на территории детского сада свой досуг, о чем еще будет сказано ниже. Это

сейчас территории дошкольных учреждений огораживаются надежно и в ограде, как правило, имеются непрозрачные пластиковые вставки, а тогда целостности ограждения никто не придавал особого значения, и на «огороженный» участок мог свободно проникнуть любой желающий. Непосредственно за забором на детсадовской территории были скамейки, три детские песочницы и по бокам две веранды, отделенные друг от друга редкими кустами. В глубине стояло основное здание, вокруг которого шла бетонная дорожка. Между ней и металлическим забором, преимущественно по боковым сторонам, имелись довольно густые заросли молодого клена. Весна в тот год не запоздала, и все ветви были покрыты листьями, за которыми трудно было изда- лека что-нибудь рассмотреть.

Здание детского сада было типовым, расположенным в глубине территории. Левая стена не имела окон, и именно у нее были обнаружены трупы девушек

Как раз в этих кустах, у левого торца здания детского сада, и оказались оба трупа (на схеме указаны крестиком). Еще при подходе к месту, где лежали тела, на бетонной дорожке был обнаружен «фрагмент белья красного цвета синтетического материала», который являлся трусами одной из жертв; его изъяли с места происшествия. Первый труп находился почти вплотную к стене блока здания, тело лежало на спине, ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах, приведены к груди. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая несколько согнута в локтевом суставе, кисть прижата к поясу платья. Одежда на трупе пребывала в полном беспорядке: форменное коричневое платье с манжетами и воротничком белого цвета было измято и покрыто фрагментами листвы и сухой травы, поднято до уровня груди, ткань его на наружной поверхности левого рукава на участке около 35×7 см, равно как и на спинке на участке 23×27 см, испачкана подсохшей сероватой грязью. Красный бюстгальтер был смещен вверх до уровня шеи, молочные железы частично обнажены. Обуви на трупе не было, черные капроновые гольфы спущены до уровня щиколоток, несколько испачканы подсохшей черно-серой грязью. В проекции первого пальца правой стопы на ткани гольфа был обнаружен разрыв длиной около 7 см. Других повреждений одежды не обнаружили, что выглядело несколько странно, учитывая признаки, свидетельствовавшие о сопротивлении жертвы. Трусы на трупе отсутствовали. Не оставалось никаких сомнений, что трусы, найденные на бетонной дорожке, принадлежали именно этой девушке. На запястье левой руки трупа имелись кварцевые часы «ОМАХ», корпус которых был покрыт подсохшей темно-сероватой грязью. Отверстия рта и носа оказались испачканы красновато-сероватой мутной жидкостью в виде линейных горизонтальных потеков. Такая жидкость часто образуется при развитии отека ткани легких

и выделяется наружу через какое-то время после смерти, с началом развития посмертных изменений.

На шее трупа, в средней ее трети, была обнаружена туго затянутая петля, изготовленная из ремешка черного цвета шириной 1 см из кожзаменителя. На задней поверхности шеи справа ремень был завязан двумя узлами. На передней поверхности шеи справа под петлей был найден фрагмент такого же ремня длиной 15 см, свободный конец которого заканчивался металлическим карабином коричневого цвета, а противоположный конец идеально сопоставлялся с одним из концов глухой петли, затянутой на шее. На задней поверхности шеи справа и слева под петлей оказались зажатые волосы, сплетенные в косы, с вплетенными в них белыми лентами и бантами. Под петлей явно просматривалась странгуляционная борозда — след от давления петли на кожу шеи. Такая борозда практически всегда образуется при странгуляционной асфиксии и бывает разного характера и вида: замкнутая и незамкнутая, одиночная и множественная, явно и неявно выраженная. На месте обнаружения трупа подробное описание странгуляционной борозды обычно не проводится, поскольку снимать петлю с шеи запрещено, а сместить ее получается не всегда. В данном случае как раз так и было — петля была затянута настолько туго, что сдвинуть ее и осмотреть борозду под ней не получилось.

Здесь же, в кустах, на расстоянии около 1,5 м от первого трупа и около 2,5 м от бетонной дорожки, располагался труп второй девушки. Он лежал на спине, ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах и приведены к груди. Правая рука зацепилась за ствол кустарника, левая вытянута вдоль туловища, кисть ее также располагалась между стволами кустов. На груди трупа поверх одежды лежала связка ключей, которые, судя по всему, были оставлены преступником уже после наступления смерти. Одежда на этом трупе

также находилась в беспорядке: черная блузка с белыми кружевными манжетами, белый школьный форменный фартук и бюстгальтер сиреневого цвета были смещены к шее, молочные железы обнажены. Две верхние пуговицы блузки отсутствовали, на их местах остались разрывы с разлохмаченными, разволокненными краями, третья пуговица оказалась расстегнута, остальные застегнуты. Белые капроновые гольфы были смещены вниз, к щиколоткам, на ногах были белые босоножки, застежки которых нарушений не имели. На расстоянии около 1 м от трупа была обнаружена женская туфля черного цвета. Вторая туфля, аналогичная по всем признакам первой, была найдена на дощатом помосте второй слева веранды, примыкавшей к корпусу детского сада, в 25–30 м от места обнаружения трупов. В дальнейшем было установлено, что черные туфли принадлежали первой девушке. Каких-либо повреждений застежек или материала этих туфель не было обнаружено, но конструктивные особенности допускали снятие их с ног относительно свободно и без повреждений. Трусов на втором трупе не было, однако в дальнейшем, при переворачивании тела, они были обнаружены и изъяты. Возле отверстий рта и носа, как и у первой девушки, имелись потеки красновато-серо-мутной жидкости, свидетельствующей об отеке легких.

На шее второго трупа оказалась туго затянутая петля, изготовленная из белого синтетического материала. Петлей служила правая бретелька белого школьного фартука, который, как уже говорилось, среди прочей одежды был смещен вверх. Петля по часовой стрелке охватывала шею, делая полтора оборота, и была завязана на два простых узла. Под петлей на левой боковой поверхности шеи находились волосы, фрагменты зеленой травы и листвы. Сместить петлю для осмотра странгуляционной борозды здесь также не удалось. В подобных случаях следователь обеспечивает

сохранность петли на трупе при транспортировке в морг. Для этого чаще всего используется обычная бумага, которой укрывается шея и которая препятствует попаданию на шею посторонних предметов, частиц и т.п. В некоторых случаях используется полиэтиленовый пакет, однако под пакетом кожа не вентилируется, что может привести к преждевременному развитию гнилостных изменений. Недалеко от трупа второй девушки, в кустах, была обнаружена черная юбка, по боковой застежке-молнии которой имелся сквозной разрыв.

Таким образом, уже при осмотре трупов на месте их обнаружения явно вырисовывались сходные детали: характерные признаки манипуляций с одеждой, почти одинаковые позы тел, петли на шеях обеих девушек... Кроме того, область промежности и у первой, и у второй девушки была обильно испачкана подсохшим коричневым калом. Существует распространенное мнение, что во время умирания у человека неизменно происходит выделение мочи и кала, а в некоторых случаях и спермы. Мнение спорное — такое бывает далеко не всегда, но в случаях механической асфиксии, когда головной мозг за очень короткий промежуток времени испытывает выраженную гипоксию, включается рефлекторный механизм, и действительно нередко сфинктеры расслабляются и совершается мочеиспускание и дефекация. Наличие затянутых петель на шеях обеих девушек, характерные повреждения кожи под петлями (странгуляционные борозды), признаки дефекации — все это уже при первичном осмотре трупов практически не оставляло сомнений в причине смерти.

После того как осмотр был закончен, судебно-медицинский эксперт по поручению следователя изъял срезы свободных краев ногтей с пальцев рук обеих школьниц. Такое изъятие является обязательным при обнаружении признаков

насильственной смерти — нередко под ногтями при микроскопическом исследовании можно обнаружить частицы кожи преступника, особенно при активном сопротивлении пострадавших. Так как признаки борьбы однозначно присутствовали на обоих телах, надежда обнаружить какие-либо важные улики (например, частицы кожи нападавшего) была вполне основательной. Срезы берутся обычными чистыми ножницами путем срезания свободных краев ногтей. Тут же на месте срезы упаковываются в бумажный или целлофановый пакет, маркируются и в дальнейшем направляются в лабораторию. Забегая вперед, скажем, что ничего имевшего отношение к преступнику при исследовании подногтевого содержимого с обоих трупов обнаружено не было. Кроме того, на месте обнаружения трупов судебно-медицинским экспертом были взяты мазки из влагалища, заднего прохода и ротовой полости на предмет обнаружения спермы. Учитывая теплое время года, решение взять мазки на месте было не лишено основания.

При исследовании трупных изменений обнаружилось следующее. На лицах обеих девушек в отверстиях рта и носа находились кладки яиц мух. Этот факт позволил утверждать, что с самого раннего утра девушки уже были мертвы и смерть, скорее всего, наступила либо поздно вечером накануне, либо ночью. Зеленые и синие (падальницы), а также серые (саркофагиды) трупные (или мясные) мухи — двукрылые, довольно крупные, до 2,5 см в длину, насекомые, отличительной особенностью которых является способность на очень большом расстоянии (несколько километров) чувствовать запах мертвой плоти. Если муха находится неподалеку от мертвого тела, она способна отложить яйца (одна муха — около 2000 яиц) на труп уже через несколько минут после смерти, причем места для кладок выбирает осознанно — чаще всего это естественные отверстия тела,

поскольку именно там личинкам будет максимально комфортно развиваться. Жизненный цикл мухи, как и у многих других насекомых, предусматривает личиночную стадию, и именно личинки мух, называемые опарышами, уничтожают мягкие ткани, постоянно питаясь ими.

Известно, что при благоприятных условиях личинки из яиц могут появиться уже через восемь часов. Известно также, что ночью мухи не летают. Если принять во внимание, что заход солнца 24 мая в Копейске был примерно в 21:15, а восход 25 мая примерно в 04:30, становилось очевидным, что смерть обеих девушек наступила в промежутке между 23:00 и 04:00. Вряд ли двойное убийство произошло до 23:00, поскольку после захода солнца на Урале сохранялись более-менее продолжительные сумерки, да и местное население в выходной день долго не ложилось спать — преступника элементарно могли спугнуть. В нашей стране, к сожалению, такая специальность, как судебно-медицинский энтомолог, практически не встречается, хотя еще в советское время было проведено множество исследований в этой области. Между тем исследование насекомых, связанных своим развитием (фазы которого имеют четкие временные рамки) с мертвыми телами, имеет весьма важное значение для определения времени наступления смерти и иногда даже может сказать эксперту о месте, где произошло преступление. Трупные изменения, обнаруженные при осмотре тел, также подтверждали время наступления смерти, установленное при анализе мушиных кладок.

На ощупь кожа обеих девушек была холодная почти на всем протяжении (тела успели полностью остыть), то есть соответствовала температуре окружающего воздуха. Лишь в подмышечных впадинах кожа представлялась чуть теплой на ощупь. Разные участки тела остывают неравномерно — известно, что, например, периферия, то есть верхние

и нижние конечности, охлаждаются быстрее, нежели туловище, поскольку в грудной и брюшной полостях, замкнутых со всех сторон, располагаются внутренние органы, температура которых выше обычной температуры тела. Кроме этого экспертам известно, что участки, прикрытые одеждой, остывают медленнее, чем незащищенные. Температура воздуха в это время года колебалась ночью между +14 °С и +15 °С, а в дневное время достигала +23 °С...+25 °С, и, если учесть тот факт, что труп взрослого человека остывает со скоростью в среднем один градус в час, становится понятно, что преступление было совершено ночью, никак не раньше, чем за 10 часов до момента осмотра трупов, который был начат в 14:20 (напомним, что следственно-оперативная группа прибыла на место в 13:15).

Трупные пятна на обоих телах были обнаружены на задней поверхности туловища, это свидетельствовало о том, что после помещения в заросли кустарника поза трупов не изменялась. Синюшно-фиолетовый цвет пятен, их насыщенность и интенсивность говорили об относительно быстро наступившей смерти по так называемому асфиктическому типу. Суть его в том, что, когда умирание длится недолго (в течение нескольких минут), кровь в организме остается в жидком состоянии и за счет этого свободно, под действием гравитации, стекает в нижележащие сосуды, расширяя их и накапливаясь в них. Такая картина трупных пятен в принципе характерна для любой смерти, которая сопровождается коротким агональным периодом, но при асфиксии встречается особенно часто. Динамика трупных пятен, то есть изменение их интенсивности при надавливании каким-либо твердым предметом, заключалась в побледнении трупного пятна, после чего оно не восстанавливало свою интенсивность. Такое «поведение» трупных пятен связано с посмертными процессами, происходящими в крови

и сосудах. Дело в том, что непосредственно до и какое-то время после наступления смерти кровь трупа представляет собой цельную ткань, в которой легко дифференцируются форменные элементы — клетки крови. В это же время капилляры, в которых скопилась кровь, пока еще являются полноценными сосудами, с хорошей, состоятельной стенкой. Однако такое положение вещей относительно быстро (в течение нескольких часов) меняется, причем на скорость изменений влияет температура окружающего воздуха: чем она выше, тем быстрее начинают развиваться процессы распада и разложения. В среднем уже через 10–12 часов с момента смерти форменные элементы крови могут распадаться, стенка капилляров становится рыхлой, через нее кровь начинает пропитывать окружающие ткани таким образом, что при надавливании на трупное пятно эксперт может увидеть лишь какое-то изменение интенсивности окраски, но полного исчезновения пятна в месте нажатия не происходит. Именно такое побледнение трупных пятен наблюдалось при обследовании обоих трупов, что не противоречило данным, полученным при исследовании температуры трупа и кладок яиц мух.

Мышечное окоченение — еще один признак, подлежащий обязательному исследованию как на месте обнаружения трупа, так и при вскрытии, — оказалось резко выражено во всех группах мышц. Окоченение — сложный биохимический процесс, протекающий в мышечной ткани в условиях аноксии (отсутствия кислорода); он, как и остальные посмертные изменения, имеет более или менее устойчивые во времени фазы. С поправками на температуру окружающего воздуха, влажность, телосложение и причину смерти можно сказать, что мышечное окоченение достигает максимума примерно к середине первых суток после наступления смерти. Каких-либо инструментальных, объективных

критериев для оценки окоченения не существует: степень его выраженности проверяется экспертом субъективно, путем попыток изменения положения отдельных сегментов тела — сгибания или разгибания конечностей, открывания и закрывания рта. Опытный эксперт, проработавший несколько лет и осмотревший не одну сотню трупов, может отличить «умеренно» выраженное окоченение от «слабо» выраженного или «сильно» выраженное от «резко» выраженного. После того как с момента смерти пройдут сутки или более, окоченение постепенно исчезает, или, как принято говорить в судебной медицине, «разрешается». Так вот, и у одного и у другого трупа мышечное окоченение было выражено резко и в конечностях, и в жевательных мышцах; опять же это не противоречило уже проведенным исследованиям.

Надо сказать, что такое важное обследование, как измерение ректальной температуры, при осмотре трупов девушек не проводилось. Среди положенных обязательных процедур на месте обнаружения трупа — таких, как ощупывание кожи, проверка наличия и динамики трупных пятен и мышечного окоченения — измерение ректальной температуры является неперемным и одним из основных. Но дело в том, что тогда, в начале 2000-х, в Копейске (да и в Челябинске тоже) ректальных термометров элементарно не имелось и приобрести их в частном порядке тоже было невозможно — в розничной продаже они отсутствовали, а продажи через интернет тогда не были распространены, тем более в периферийных областях нашей страны. Поэтому как-либо сузить временной интервал с момента наступления смерти не удалось, и эксперт смог только уверенно утверждать, что смерть обеих девушек наступила примерно в одно и то же время, в промежутке между 24:00 и 03:00. Кроме того, можно было с уверенностью сказать, что место обнаружения трупов

и есть место преступления, при этом в процессе причинения повреждений пострадавшие оказывали сопротивление нападавшему — что, к сожалению, успехом для них не увенчалось.

После осмотра трупов следователь продолжил осмотр места происшествия. Каких-либо предметов или следов, однозначно имевших отношение к двойному убийству, обнаружено не было, но оказалось, что на территории детского сада, в непосредственной близости от кустов, в которых найдены тела, имеется множество предметов, никак к детям не относящихся. Так, в трещинах стены здания детского сада обнаружили окурки, а в песочницах и верандах, на траве и бетонной дорожке — еще кое-какие вещи, которые были собраны по максимуму; думается, давно в детском саду так тщательно не убирали территорию. Итак, с места происшествия были изъяты: два окурка со стены здания, пять монет разного достоинства серого и желтого металла, женская использованная прокладка, две бутылки белого стекла объемом 0,5 л, два сдавленных окурка из песочницы, белые женские трусы, голубая пластмассовая бутылка объемом 0,33 л, коричневая пластиковая бутылка из-под пива объемом 2 л, стеклянная бутылка из-под водки «Чарка» объемом 0,5 л, осколки бутылок, две стеклянные бутылки коричневого цвета объемом 0,5 л, пять прозрачных пластиковых стаканчиков, три белых пластиковых стаканчика, пачка из-под сигарет «Winston», пачка из-под сигарет «Альянс», пачка из-под сигарет «Максим», пластиковая бутылка с наклейкой «Аромат апельсина», две пластиковые полуторалитровые бутылки из-под пива и много других подобных предметов. Одна из изъятых стеклянных бутылок еще сыграет в деле некоторую роль — запомним эту деталь. Можете себе представить, насколько разнообразной и в то же время однообразной была жизнь копейской молодежи. Как мы увидим

далее, территория детского сада воспринималась местными жителями как отличное место проведения всяческого ночного досуга. А утром в детский сад приводили детишек, которые гуляли и играли посреди всей подобной вакханалии. В 15:55 осмотр места происшествия был закончен, трупы направлены в морг для судебно-медицинской экспертизы, вещественные доказательства — в лаборатории, а сотрудники правоохранительных органов разъехались для совещаний и планирования дальнейших действий. Тогда еще была надежда раскрыть преступление по горячим следам.

Скандалное двойное убийство, совершенное на территории области, требовало вмешательства и кураторства областной прокуратуры, и уже 25 мая 2003 г. была сформирована следственная группа, которой было поручено расследовать это преступление. В состав группы вошли: старший следователь прокуратуры Челябинской области Бабич Евгений Анатольевич (назначенный старшим в группе), а также несколько следователей прокуратуры Копейска.

Личности обеих девушек установили быстро, уже на месте происшествия. Это были Елена С.

Евгений Анатольевич Бабич — старший следователь областной прокуратуры, возглавил следственную группу, которой предстояла долгая работа по поиску неизвестного убийцы. Как и Иван Змеев, Евгений Бабич, к сожалению, уже не работает в следствии, поменяв род деятельности

и Оксана К., ученицы соответственно 11¹ и 11² классов школы №44, только что ее окончившие. Елена, 1986 года рождения, вместе с братом воспитывалась в полной семье, ее отец трудился в структуре МЧС. Лена отличалась самостоятельностью, имела выраженные задатки лидера, легко сходилась с людьми, у нее постоянно появлялись новые подруги. При этом коммуникабельная девушка не посещала никакие сомнительные компании, вечера проводила в основном дома, родителей слушалась и вообще ни в чем предвзятым замечена не была. По словам отца, молодого человека у Лены не было, хотя парни иногда звонили ей на домашний телефон. В таких случаях отец всегда отвечал, что дочери нет дома, ей же говорил, что на первом месте должна быть учеба, а о мальчиках думать еще рановато. Такой родительский контроль был оправдан: многие копейские девушки уже в старших классах школы могли позволить себе выпивать, связывались с сомнительными компаниями и вели себя крайне неосмотрительно, так что забота отца о дочери отнюдь не была чрезмерной. Кроме всего прочего, Лена интересовалась музыкой, окончила музыкальную школу и даже писала стихи. Судя по всему, несмотря на молодые годы, человеком она была смелым и целеустремленным, «как скажет — так и сделает», заставить ее изменить принятое решение было почти невозможно. Конечно, влияние школы коснулось и ее — изредка Лена употребляла пиво, о чем отец знал; в 13 лет была замечена в курении, но после проведенной отцом профилактической беседы больше курить не пыталась. Зная, что в семье крайне отрицательно относятся к поздним возвращениям, девушка всегда приходила с прогулок или от подруг не позже 24:00, при этом очень торопилась, и никогда не было случаев, чтобы Лена не ночевала дома. Нареканий по учебе у нее не было, хотя училась она средне, звезд с неба не хватало, но и отстающей не была.

24 мая 2003 г. Евгений С., отец Лены, вернулся домой с дежурства, отдохнул и готовился остаться на хозяйстве, поскольку его жена, мама Лены, вечером стала собираться на работу, а дочь — на выпускной, предупредив, что вернется поздно, так как после торжественного вечера отправится на дискотеку. Проводив всех, Евгений около 21:00 уложил младшего сына спать и уснул сам. Проснулся он около 00:30 и очень удивился, увидев кровать дочери пустой, при этом не было никаких признаков, указывающих на ее возвращение с дискотеки. Стук или звонок в дверь, звонок по телефону отец обязательно бы услышал, поскольку спал чутко, а самостоятельно проникнуть в квартиру дочь не могла, так как входная дверь была изнутри закрыта на задвижку. Наступило утро, но Лена так и появилась. Мобильные телефоны в то время не были распространены так, как сейчас, наличие трубки в кармане являлось признаком обеспеченности и на школьников, как правило, не распространялось, поэтому позвонить непосредственно дочери отец не мог. Разыскав телефон одной из подруг дочери, Люси Р., он позвонил ей. Трубку взяла ее мама и на взволнованный вопрос ответила, что Люся спит. Поняв, что что-то случилось, она разбудила дочь, и та сообщила, что когда ночью уходила с дискотеки, Лена еще оставалась там, а куда направилась потом и что с ней случилось, она не знает. После того как пришла с работы мама Лены, родители стали вместе обзванивать подруг дочери, но ничего конкретного выяснить не удалось. Тогда они обратились в милицию и там узнали, что дочь обнаружена мертвой на территории детского сада. Отец Лены сообщил в милиции, что у дочери при себе была женская темно-коричневая сумка стоимостью 450 руб., из кожзаменителя, с имитацией под кожу крокодила, с двумя ручками наверху. В сумке, среди прочего, находился фотоаппарат «Кодак» стоимостью 1500 руб.,

обычная пластиковая пленочная «мыльница». Кроме того, когда девушка уходила из дома, в ушах у нее были золотые серьги в виде простых колец, стоимостью 1000 руб. Ни одна из этих вещей не была обнаружена на месте происшествия. Общий ущерб, со слов отца, составил 2950 руб. — в 2003 г. немалая сумма.

Вторая убитая девушка, Оксана К., 1985 года рождения, жила в неполной семье: за три года до описываемых событий ее отец, прожив в браке с матерью Оксаны более 15 лет, ушел к другой женщине, но отношения с дочерью поддерживал. Девушка была спокойной, вредных привычек не имела, гуляла только с подругами и только до 23:00, причем предупреждала об этом родителей и практически всегда ее провожали до дома подруги. Родители знали, что дочери нравился какой-то мальчик, но любовь была безответная. Его звали Сергей Ф., отношения на уровне «встречи-прогулки» продолжались около полутора месяцев, после чего прекратились по непонятным причинам. По темпераменту Оксана была значительно спокойнее Лены — девушки как бы дополняли друг друга, что нередко наблюдается при дружеских отношениях. Вместе с тем подруги характеризовали Оксану как тихую, скромную и даже немного скрытную, не очень доверявшую людям девушку с узким кругом общения. Несмотря на то что родители Оксаны жили раздельно, утром 25 мая ее мама позвонила отцу и взволнованным голосом сообщила, что дочери нет дома, а такого за все время ни разу не случалось. Родители начали обзванивать подруг дочери в надежде на то, что она могла заночевать у кого-то из них, но Оксаны нигде не было. После полудня из милиции пришла трагическая новость, и надежда найти дочь живой и невредимой исчезла.

Лена и Оксана были знакомы не слишком долго, около двух лет. Познакомила их на каком-то концерте подруга

Лены, Катя, и с тех пор девушки стали дружить. Оказалось, что они еще и соседи — жили в соседних домах. В тот злополучный день 24 мая сразу же после торжественной части Лена в компании подруг отправилась в летнее кафе, расположенное недалеко от спортивной школы. Пришли они туда около 18:00 и решили продолжить отмечать окончание школьной поры и начало новой, взрослой жизни. Тогда никто и представить себе не мог, что для двух девочек взрослая жизнь так и не наступит. Компания из девяти человек, среди которых были и выпускницы, и их родители, просидели в кафе около пяти–шести часов, за все это время они выпили две бутылки шампанского, так что пьяным никто не был. За все проведенное в кафе время к компании молодых девушек никто не подходил, не пытался познакомиться и вообще ничего подозрительного или опасного не происходило. Ближе к вечеру родители ушли домой, а девчонки решили пойти на дискотеку в Доме культуры завода им. С. М. Кирова. Кто хоть раз бывал на дискотеках, представляет себе атмосферу подобных мероприятий. Для копейского травмпункта они служили постоянным источником клиентов — драки и другие разнообразные конфликты на пьяной почве происходили вовсе не редко. Однако это было хоть какое-то да развлечение, и девушки отправились туда.

Около 22:00 на дискотеке появилась другая компания девушек, в которой была Оксана К. Выпускницы танцевали и веселились в своем кругу, никто из посторонних к ним не подходил и не пытался завязать знакомство, что удивительно, поскольку компания молодых симпатичных девушек, одетых к тому же в парадную школьную форму, не могла не привлекать внимания. Тем не менее ничего подозрительного не происходило. Ни Лена, ни Оксана никуда в одиночку не отлучались, спиртное больше никто не употреблял, девушки просто веселились. Около 23:00 вся компания

вышла в фойе, чтобы подышать свежим воздухом. Оксана несколько раз звонила своему знакомому Илье на домашний телефон, но трубку никто не взял. Кто знает, если бы знакомый тогда оказался дома и подошел к телефону, возможно, вся история развивалась бы по-другому. Примерно в 23:30 большинство выпускниц засобирались по домам, но Оксана и Лена хотели потанцевать еще и дожждаться окончания дискотеки, которая закрывалась около 03:00. Но подружки взяли с них честное слово, что после полуночи те постараются не задерживаться и пойдут домой. Возвращаться им было по пути — как мы помним, девочки жили в соседних домах. Подруги были веселы и безмятежны — в конце концов, выпускной бывает только раз в жизни! Впоследствии на допросах никто из свидетелей не показал, что имелись хотя бы какие-то намеки на предчувствие чего-нибудь плохого. Оксана держала в руках Ленин фотоаппарат, у той в ушах были золотые серьги в виде колец, а на плече — темно-коричневая сумочка. Через несколько часов петлю, изготовленную из ремня этой сумки, обнаружат на ее шее.

Как и почему Елена и Оксана оказались на территории детского сада и что там произошло, было совершенно непонятно. Все опрошенные подружки девочек как одна утверждали, что те никогда не стали бы ни с кем знакомиться ночью, и предполагали, что единственная причина, по которой их могло бы занести в детский сад, — если они от кого-то прятались. Вместе с тем знакомые девушек признались, что неоднократно сживали компаниями в беседках и на веранде детского сада, но это всегда было в дневное время. Таким образом, к концу первых суток расследования обстоятельства убийства оставались неясными, и свидетелей произошедшего не было. Забегая вперед, скажем, что косвенные свидетели все же были: некоторые жители соседних с детским садом домов

сообщали, что среди ночи через раскрытые окна слышали с территории сада какие-то крики, однако не обратили на них внимания, решив, что это гуляют выпускники. Еще один трагический и нелепый момент в этой истории. Кто знает — если бы какой-нибудь житель сообщил в милицию, что вблизи детсада происходит нечто странное, девочки могли бы остаться в живых...

Между тем, пока следственные органы занимались своими делами, 26 мая, на следующий день после обнаружения, трупы обеих девушек были исследованы в Копейском межрайонном отделении Челябинского областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Отделение это располагалось на окраине больничного городка, как и большинство подобных моргов.

Интенсивность работы местных экспертов ввиду вышеописанных особенностей региона была очень высокой. Нередки были дни, когда из 12–14 поступивших за сутки трупов половина имела признаки насильственной смерти. Тогда, в начале 2000-х годов, в Копейском отделении ЧОБСМЭ работали три доктора. Ольга Алексеевна Черных, стоявшая у истоков копейской судебно-медицинской экспертизы, была человеком добрейшим и безотказным. Ей тогда было глубоко за 70, и занималась она исключительно живыми людьми, уже не принимая участия во вскрытии тел. Представитель прежнего, «стального» поколения, Ольга Алексеевна не представляла себя вне работы, жила судебно-медицинской экспертизой и занималась ею почти до самой смерти. Сейчас на здании Копейского отделения в ее честь заслуженно установлена мемориальная доска. Заведующим Копейским отделением в то время был уже упомянутый Михаил Михайлович Мартыненко, а третьим экспертом являлся молодой автор этих строк, проработавший тогда всего несколько лет.